

Г. К. Честертон

ЧУДО «ПОЛУМЕСЯЦА»

- [Г. К. Честертон](#)
 -
- [notes](#)
 - [1](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Г. К. Честертон

ЧУДО «ПОЛУМЕСЯЦА»

«Полумесяц» был задуман в своем роде столь же романтичным, как и его название; и события, которые в нем произошли, по-своему были тоже романтичны. Он был выражением того подлинного чувства, исторического и чуть ли не героического, какое прекрасно уживается с торгашеским духом в старейших городах восточного побережья Америки. Первоначально он представлял собой полукруглое здание классической архитектуры, поистине воскрешающее атмосферу XVIII века, когда аристократическое происхождение таких людей, как Вашингтон и Джефферсон, не только не мешало, но помогало им быть истыми республиканцами. Путешественники, встречаемые неизменным вопросом — что они думают о нашем городе, с особой осторожностью должны были отвечать на вопрос — что они думают о нашем «Полумесяце». Даже появившиеся со временем несообразности, нарушившие первоначальную гармонию оригинала, свидетельствовали о его жизнеспособности. На одном конце, то есть роге, «Полумесяца» крайние окна выходили на огороженный участок, что-то вроде помещичьего сада, где деревья и кусты располагались чинно, как в английском парке времен королевы Анны. И тут же за углом другие окна тех же самых комнат, или, вернее, номеров, упирались в глухую неприглядную стену громадного склада, имевшего отношение к какой-то промышленности. Комнаты в этом конце «Полумесяца» были перестроены по унылому шаблону американских отелей, и вся эта часть дома вздымалась вверх, не достигая, правда, высоты соседнего склада, но, во всяком случае, достаточно высоко, чтобы в Лондоне ее окрестили небоскребом. Однако колоннада, которая шла по всему переднему фасаду, отличалась несколько пострадавшей от непогоды величественностью и наводила на мысль о том, что духи отцов республики, возможно, еще разгуливают под ее сенью. Внутри же опрятные, блиставшие новизной номера были меблированы по последнему слову ньюйоркской моды, в особенности в северной оконечности здания, между аккуратным садом и глухой стеной. Это были, в сущности, миниатюрные квартирки, как бы мы выразились в Англии, состоявшие из гостиной, спальни и ванной комнаты и одинаковые, как ячейки улья. В одной из таких ячеек за письменным столом восседал знаменитый Уоррен Уинд; он

разбирал письма и рассылал приказания с изумительной быстротой и четкостью. Сравнить его можно было бы лишь с упорядоченным смерчем.

Уоррен Уинд был маленький человечек с развевающимися седыми волосами и остроконечной бородкой, на вид хрупкий, но при этом бешено деятельный. У него были поразительные глаза, ярче звезд и притягательнее магнитов, и кто их раз видел, тот не скоро забывал. И вообще, как реформатор и организатор многих полезных начинаний, он доказал, что не только глаза, но и вся голова у него самого высшего качества. Ходили всевозможные легенды о той сверхъестественной быстроте, с какой он мог составить здравое суждение о чем угодно, в особенности о людях. Передавали, что он нашел себе жену (долго потом трудившуюся рядом с ним на общее благо), выбрав ее мгновенно из целого батальона женщин, одетых в одинаковое форменное платье и маршировавших мимо него во время какого-то официального торжества; по одной версии, это были девушки-скауты, по другой — женская полиция. Рассказывали еще о том, как трое бродяг, одинаково грязных и оборванных, явились к нему однажды за подаванием. Ни минуты не колеблясь, он одного послал в нервную клинику, другого определил в заведение для алкоголиков, а третьего взял к себе лакеем, и тот с успехом и не без выгоды нес свою службу в течение многих лет. Ходили, разумеется, и неизбежные анекдоты об его молниеносных суждениях и колких, находчивых ответах в беседах с Рузвельтом, Генри Фордом, миссис Асквит и со всеми теми, с кем у американского общественного деятеля неминуемо бывают исторические встречи, хотя бы только на страницах газет. Благоговейного трепета в присутствии этих особ он, естественно, никогда не испытывал, а потому и теперь, в описываемый момент, он хладнокровно крутил свой центробежный бумажный смерч, хотя человек, стоявший перед ним, был почти столь же значителен, как и вышеупомянутые исторические деятели.

Сайлас Т. Вэндем, миллионер и нефтяной магнат, был тощий мужчина с длинной желтой физиономией и иссиня-черными волосами; краски эти сейчас были не очень ясно различимы, так как он стоял против света, на фоне окна и белой стены склада, но тем не менее весьма зловещи. Его узкое элегантное пальто, отделанное каракулем, было застегнуто на все пуговицы. На энергичное же лицо и сверкающие глаза Уинда падал яркий свет из другого окна, выходящего в сад, так как стул и письменный стол были обращены к этому окну. Хотя лицо филантропа и казалось озабоченным, озабоченность эта, бесспорно, не имела никакого отношения к миллионеру. Камердинер Уинда, или его слуга, крупный, сильный человек с прилизанными светлыми волосами, стоял сбоку от своего

господина с пачкой писем в руке. Личный секретарь Уинда, рыжий молодой человек с умным острым лицом, уже держался за ручку двери, как бы на лету подхватив какую-то мысль хозяина или повинувшись его жесту. Комната, не только скромно, но даже аскетически обставленная, была почти пуста, — со свойственной ему педантичностью Уинд снял и весь верхний этаж, обратив его в кладовую; все его бумаги и имущество хранились там в ящиках и обвязанных веревками тюках.

— Уилсон, отдайте их дежурному по этажу, — приказал Уинд слуге, протягивая ему письма. — А потом принесите мне брошюру о ночных клубах Миннеаполиса, вы найдете ее в пакете под буквой «Г». Мне она понадобится через полчаса, а до тех пор меня не беспокойте. Так вот, мистер Вэндем, предложение ваше представляется мне весьма многообещающим, но я не могу дать окончательного ответа, пока не ознакомлюсь с отчетом. Я получу его завтра к вечеру и немедленно позвоню вам. Простите, что пока не могу высказаться определеннее.

Мистер Вэндем, очевидно, догадался, что его вежливо выпроваживают, и по его болезненно-желтому мрачному лицу скользнуло подобие усмешки — он оценил иронию ситуации.

— Видимо, мне пора уходить, — сказал он.

— Спасибо, что заглянули, мистер Вэндем, — вежливо откликнулся Уинд. — Извините, что не провожаю вас, — у меня тут дело, которое не терпит отлагательства. Феннер, обратился он к секретарю, — проводите мистера Вэндема до автомобиля и оставьте меня одного на полчаса. Мне надо кое-что обдумать самому. После этого вы мне понадобится.

Трое вышли вместе в коридор и притворили за собой дверь. Могучий слуга Уилсон направился к дежурному, а двое других повернули в противоположную сторону, к лифту, поскольку кабинет Уинда находился на четырнадцатом этаже. Не успели они отойти от двери и на ярд, как вдруг увидели, что коридор заполнен надвигающейся на них внушительной фигурой. Человек был высок и широкоплеч, его массивность особенно подчеркивал белый или очень светлый серый костюм, очень широкополая белая шляпа и почти столь же широкий ореол почти столь же белых волос. В этом ореоле лицо его казалось сильным и благородным, как у римского императора, если не считать мальчишеской, даже младенческой яркости глаз и блаженной улыбки.

— Мистер Уоррен Уинд у себя? — бодро осведомился он.

— Мистер Уоррен Уинд занят, — ответил Феннер. — Его нельзя беспокоить ни под каким видом. Если позволите, я его секретарь и могу передать любое поручение.

— Мистера Уоррена Уинда нет ни для папы римского, ни для коронованных особ, — проговорил нефтяной магнат с кислой усмешкой. — Мистер Уоррен Уинд чертовски привередлив. Я зашел вручить ему сущую безделицу — двадцать тысяч долларов... на определенных условиях, а он велел мне зайти в другой раз, как будто я мальчишка, который прибежит по первому зову.

— Прекрасно быть мальчишкой, — заметил незнакомец, — а еще прекраснее услышать зов. Я вот пришел передать ему зов, который он обязан услышать. Это зов великой, славной страны, там, на Западе, где выковывается истинный американец, пока все вы тут спите без просыпу. Вы только передайте ему, что, мол, Арт Олбойн из Оклахома-сити явился обратиться к нему.

— Я повторяю, никому не велено входить, — резко возразил рыжий секретарь. — Он распорядился, чтобы никто не беспокоил его в течение получаса.

— Все вы тут, на Востоке, не любите, когда вас беспокоят, — возразил жизнерадостный мистер Олбойн, — но похоже, что на Западе подымается сильный ветер, и уж он-то вас побеспокоит. Ваш Уинд высчитывает, сколько денег пойдет на ту или другую затхлую религию, а я вам говорю: всякий проект, который не считается с новым движением Великого Духа в Техасе и Оклахоме, не считается с религией будущего.

— Как же! Знаем мы эти религии будущего, — презрительно проронил миллионер. — Я по ним прошелся частым гребнем. Запаршивели, как бродячие собаки. Была такая особа по имени София, ей бы звать Сапфирой^[1]. Надувательство чистой воды. Привязывают нитки к столам и тамбуринам. Потом была еще компания, «Невидимая Жизнь», — они утверждали, будто могут исчезать, когда захотят. И исчезли-таки, и сотня тысяч моих долларов вместе с ними. Знал я и Юпитера Иисуса из Денвера, виделся с ним несколько недель кряду, а он тоже оказался обыкновенным жуликом. Был и пророк-патаговец, — он давно уже дал тягу в свою Патагонию. Нет, с меня хватит — отныне я верю только тому, что вижу своими глазами. Кажется, это называется атеизмом.

— Да нет, вы меня не так поняли, — пылко запротестовал человек из Оклахомы. — Я, похоже, ничуть не меньше атеист, чем вы. В нашем движении никакой сверхъестественной или суеверной чепухи не водится, одна чистая наука. Единственно настоящая, правильная наука — это здоровье, а единственно настоящее, правильное здоровье — уметь дышать. Наполните ваши легкие просторным воздухом прерий, и вы сдуете ваши затхлые восточные города в океан. Вы сдуете ваших великих мужей, как

пух чертополоха. Вот чем мы занимаемся у себя на родине: мы дышим. Мы не молимся, мы дышим.

— Не сомневаюсь, — утомленно произнес секретарь. На его умном, живом лице ясно проступала усталость. Однако он выслушал оба монолога с примечательным терпением и вежливостью (в опровержение легенд о нетерпимости и наглости американцев).

— Никакой мистики, — продолжал Олбойн, — великое естественное явление природы. Оно и стоит за всеми мистическими домыслами. Для чего был нужен иудеям бог? Для того, чтобы вдохнуть в ноздри человека дыхание жизни. А мы в Оклахоме впиваем это дыхание собственными ноздрями. Само слово «дух» означает «дыхание». Жизнь, прогресс, пророчество — все сводится к одному: к дыханию.

— Некоторые скажут, что все сводится к болтовне, заметил Вэндем, — но я рад, что вы хотя бы обошлись без религиозных фокусов.

На умном лице секретаря, особенно бледном по контрасту с рыжими волосами, промелькнуло какое-то странное выражение, похожее на затаенную горечь.

— А я вот не рад, — сказал он. — Но ничего не могу поделать. Вам, я вижу, доставляет удовольствие быть атеистами, поэтому вы можете верить во что хотите. А для меня... видит бог, я хотел бы, чтобы он существовал. Но его нет. Такое уж мое везение.

И вдруг у них мурашки побежали по коже: они осознали, что к их группе, топтавшейся перед кабинетом Уинда, неслышно и незаметно прибавился еще один человек. Давно ли этот четвертый стоял подле них, никто из увлеченных разговором участников диспута сказать не мог, но вид у него был такой, будто он почтительно и даже робко дожидается возможности ввернуть что-то очень важное. Им, взбудораженным спором, показалось, что он возник из-под земли внезапно и бесшумно, как гриб. Да и сам он был вроде большого черного гриба: коротенький, приземистый и неуклюжий, в нахлобученной на лоб большой черной шляпе. Сходство было бы еще полнее, если бы грибы имели обыкновение носить с собой потрепанные бесформенные зонтики.

Секретарь удивился еще и тому, что человек этот был священником. Но когда тот обратил к нему свое круглое лицо, выглядывающее из-под круглой шляпы, и простодушно спросил, может ли он видеть мистера Уоррена Уинда, Феннер ответил по-прежнему отрицательно и еще отрывистой, чем раньше.

Священник, однако, не сдался.

— Мне действительно очень нужно видеть мистера Уинда, сказал

он. — Как ни странно, это все, что мне нужно. Я не хочу говорить с ним. Я просто хочу убедиться, что он у себя и что его можно увидеть.

— А я вам говорю: он у себя, но видеть его нельзя, проговорил Феннер с возрастающим раздражением. — Что это значит — «убедиться, что он у себя»? Ясно, он у себя. Мы оставили его там пять минут назад и с тех пор не отходим от двери.

— Хорошо, но я хочу убедиться, что с ним все благополучно, — упрямо продолжал священник.

— А в чем дело? — с досадой осведомился секретарь.

— Дело в том, что у меня есть важные, я бы сказал, веские причины сомневаться, все ли с ним благополучно.

— О господи! — в бешенстве воскликнул Вэндем. — Никак, опять суеверия!

— Я вижу, мне надо объясниться, — серьезно сказал священник. — Я чувствую, вы не разрешите мне даже в щелочку заглянуть, пока я всего не расскажу.

Он в раздумье помолчал, а затем продолжил, не обращая внимания на удивленные лица окружающих:

— Я шел по улице вдоль колоннады и вдруг увидел оборванца, вынырнувшего из-за угла на дальнем конце «Полумесяца». Тяжело топая по мостовой, он мчался навстречу мне. Я разглядел высокую костлявую фигуру и узнал знакомое лицо — лицо одного шального ирландца, которому я когда-то немного помог. Имени его я не назову. Завидев меня, он отшатнулся и крикнул: «Святые угодники, да это отец Браун! И напугали же вы меня! Надо же вас встретить как раз сегодня». Из этих слов я понял, что он учинил что-то скверное. Впрочем, он не очень струхнул при виде меня, потому что тут же разговорился. И странную он рассказал мне историю. Он спросил, знаком ли мне некий Уоррен Уинд, и я ответил, что нет, хотя и знал, что тот занимает верх этого дома. И он сказал: «Уинд воображает себя господом богом, но если б он слышал, что я так про него говорю, он бы взял и повесился». И повторил истерическим голосом несколько раз: «Да, взял бы и повесился». Я спросил его, не сделал ли он чего худого Уинду, и он дал очень заковыристый ответ. Он сказал: «Я взял пистолет и зарядил его не дробью и не пулей, а проклятием». Насколько я понял, он всего лишь пробежал по переулку между этим зданием и стеной склада, держа в руке старый пистолет с холостым зарядом, и выстрелил в стенку, точно это могло обрушить дом. «Но при этом, добавил он, — я проклял его страшным проклятием и пожелал, чтоб адская месть схватила его за ноги, а правосудие божие за волосы и разорвали его надвое, как

Иуду, чтоб духу его на земле больше не было». Неважно, о чем еще я говорил с этим несчастным сумасшедшим; он ушел в более умиротворенном состоянии, а я обогнул дом, чтобы проверить его рассказ. И что же вы думаете — в переулке под стеной валялся ржавый старинный пистолет. Я достаточно разбираюсь в огнестрельном оружии, чтобы понять, что пистолет был заряжен лишь малой толикой пороха: на стене виднелись черные пятна пороха и дыма и даже кружок от дула, но ни малейшей отметины от пули. Он не оставил ни единого следа разрушения, ни единого следа вообще, кроме черных пятен и черного проклятия, брошенного в небо. И вот я явился сюда узнать, все ли в порядке с Уорреном Уиндом.

Феннер усмехнулся:

— Могу вас успокоить, он в полном порядке. Всего несколько минут назад мы оставили его в кабинете — он сидел за столом и писал. Он был абсолютно один, его комната — на высоте ста футов над улицей и расположена так, что никакой выстрел туда не достанет, даже если бы ваш знакомый стрелял не холостыми. Имеется только один вход в комнату — вот этот, а мы не отходили от двери ни на минуту.

— И все-таки, — серьезно произнес отец Браун, — я хотел бы зайти и взглянуть на него своими глазами.

— Но вы не зайдете, — отрезал секретарь. — Господи, неужели вы и впрямь придаете значение проклятиям!

— Вы забываете, — насмешливо сказал миллионер, — что занятие преподобного джентльмена — раздавать благословения и проклятия. За чем же дело, сэр? Если его упекли с помощью проклятия в ад, почему бы вам не вызволить его оттуда с помощью благословения? Что проку от ваших благословений, если они не могут одолеть проклятия какого-то ирландского проходимца?

— Кто же нынче верит в подобные вещи? — запротестовал пришелец с Запада.

— Отец Браун, я думаю, много во что верит, — не отставал Вэндем, у которого разыгралась желчь от недавней обиды и от теперешних пререканий. — Отец Браун верит, что отшельник переплыл реку на крокодиле, выманив его заклинаниями неизвестно откуда, а потом повелел крокодилу сдохнуть, и тот послушно издох. Отец Браун верит, что какой-то святой угодник преставился, а после смерти устроился, дабы осчастливить три прихода, возмнившие себя местом его рождения. Отец Браун верит, будто один святой повесил плащ на солнечный луч, а другой переплыл на плаще Атлантический океан. Отец Браун верит, что у святого осла было шесть ног и что дом в Лорето летал по воздуху. Он верит, что сотни

каменных дев могли плакать и сетовать дни напролет. Ему ничего не стоит поверить, будто человек исчез через дверную скважину или испарился из запертой комнаты. Надо полагать, он не слишком-то считается с законами природы.

Но зато я обязан считаться с законами Уоррена Уинда, устало заметил секретарь, — а в его правила входит оставаться одному, когда он пожелает. Уилсон скажет вам то же самое. — Рослый слуга, посланный за брошюрой, как раз в этот момент невозмутимо шел по коридору с брошюрой в руках. — Уилсон сядет на скамью рядом с коридорным и будет сидеть, пока его не позовут, и тогда только войдет в кабинет, но не раньше. Как и я. Мы с ним прекрасно понимаем, чей хлеб едим, и сотни святых и ангелов отца Брауна не заставят нас забыть об этом.

— Что касается святых ангелов... — начал священник.

— То все это чепуха, — закончил за него Феннер. — Не хочу сказать ничего обидного, но такие фокусы хороши для часовен, склепов и тому подобных диковинных мест. Сквозь дверь американского отеля духи проникнуть не могут.

— Но люди могут открыть даже дверь американского отеля, терпеливо возразил отец Браун. — И, по-моему, самое простое — открыть ее.

— А еще проще потерять свое место, — отпарировал секретарь, — Уоррен Уинд не станет держать в секретарях таких простаков. Во всяком случае, простаков, верящих в сказки, в которые верите вы.

— Ну что ж, — серьезно сказал священник, — это правда, я верю во многое, во что вы, вероятно, не верите. Но мне пришлось бы долго перечислять это и доказывать, что я прав. Открыть же дверь и доказать, что я не прав, можно секунды за две.

Слова эти, очевидно, нашли отклик в азартной и мятежной душе пришельца с Запада.

— Признаюсь, я не прочь доказать, что вы не правы, произнес Олбойн, решительно шагнув к двери, — и докажу.

Он распахнул дверь и заглянул в комнату. С первого же взгляда он убедился, что кресло Уоррена Уинда пусто. Со второго взгляда он убедился, что кабинет Уоррена Уинда тоже пуст.

Феннер, словно наэлектризованный, кинулся вперед.

— Уинд в спальне, — отрывисто бросил он, — больше ему быть негде. — И он исчез в глубине номера.

Все застыли в пустом кабинете, озираясь кругом. Их глазам предстала суровая, вызывающе аскетическая простота мебелировки, уже отмеченная ранее. Бесспорно, в комнате и мыши негде было спрятаться, не то что

человеку. В ней не было драпировок и, что редкость в американских гостиницах, не было шкафов. Даже письменный стол был обыкновенной конторкой. Стулья тут стояли жесткие, с высокой спинкой, прямые, как скелеты. Мгновение спустя из недр квартиры возник секретарь, обыскавший две другие комнаты. Ответ можно было ясно прочесть по его глазам, но губы его шевельнулись механически, сами по себе, и он резко, как бы утверждая, спросил:

— Он не появлялся?

Остальные даже не нашли нужным отвечать на его вопросы. Разум их будто натолкнулся на глухую стену, подобную той, которая глядела в одно из окон и постепенно, по мере того как медленно надвигался вечер, превращалась из белой в серую.

Вэндем подошел к подоконнику, у которого стоял полчаса назад, и выглянул в открытое окно. Ни трубы, ни пожарной лестницы, ни выступа не было на стене, отвесно спускавшейся вниз, в улочку, не было их и на стене, вздымавшейся над окном на несколько этажей вверх. По другую же сторону улицы тянулась лишь унылая пустыня белой стены склада. Вэндем заглянул вниз, словно ожидая увидеть останки покончившего самоубийством филантропа, но на мостовой он разглядел лишь небольшое темное пятно — по всей вероятности, уменьшенный расстоянием пистолет. Тем временем Феннер подошел к другому окну в стене, в равной степени неприступной, выходившему уже не на боковую улицу, а в небольшой декоративный сад. Группа деревьев мешала ему, как следует осмотреть местность, но деревья эти оставались где-то далеко внизу, у основания жилой громады. И Вэндем и секретарь отвернулись от окон и уставились друг на друга, в сгущающихся сумерках на полированных крышках столов и конторок быстро тускнели последние отблески солнечного света. Феннер повернул выключатель, как будто сумерки раздражали его, и комната, озаренная электрическим светом, внезапно обрела четкие очертания.

— Как вы недавно изволили заметить, — угрюмо произнес Вэндем, — никаким выстрелом снизу его не достать, будь даже пистолет заряжен. Но если бы в него и попала пуля, не мог же он просто лопнуть, как мыльный пузырь.

Секретарь, еще более бледный, чем обычно, досадливо взглянул на желчную физиономию миллионера:

— Откуда у вас такие гробовые настроения?

При чем тут пули и пузыри? Почему бы ему не быть в живых?

— Действительно, почему? — ровным голосом переспросил Вэндем. — Скажите мне, где он, и я скажу вам, как он туда попал.

Поколебавшись, секретарь кисло пробормотал:

— Пожалуй, вы правы. Вот мы и напоролись на то, о чем спорили. Будет забавно, если вы или я вдруг придем к мысли, что проклятие что-то да значит! Но кто мог добраться до Уинда, замурованного тут, наверху?..

Мистер Олбойн из Оклахомы до этого момента стоял посреди комнаты, широко расставив ноги, и казалось, что и белый ореол вокруг его головы, и круглые глаза излучают изумление. Теперь он сказал рассеянно, с безответственной дерзостью балованного ребенка:

— Похоже, вы не очень-то его долюбляли, а, мистер Вэндем?

Длинное желтое лицо мистера Вэндема еще больше помрачнело и оттого еще больше вытянулось, однако он улыбнулся и невозмутимо ответил:

— Что до совпадений, то, если на то пошло, именно вы сказали, что ветер с Запада сдует наших великих мужей, как пух чертополоха.

— Говорить-то я говорил, — простодушно подтвердил мистер Олбойн, — но как это могло случиться, черт побери?

Последовавшее молчание нарушил Феннер, крикнувший неожиданно запальчиво, почти с исступлением:

— Одно только можно сказать: этого просто не было. Не могло этого быть.

— Нет, нет, — донесся вдруг из угла голос отца Брауна, это именно было.

Все вздрогнули. По правде говоря, они забыли о незаметном человечке, который подбил их открыть дверь. Теперь же, вспомнив, сразу переменили свое отношение к нему. На них нахлынуло раскаяние: они пренебрежительно сочли его суеверным фантазером, когда он позволил себе только намекнуть на то, в чем теперь они убедились собственными глазами.

— Ах черт! — выпалил импульсивный уроженец Запада, привыкший, видимо, говорить все, что думает. — А может, тут и в самом деле что-то есть?

— Должен признать, — проговорил Феннер, хмуро уставясь в стол, — предчувствия его преподобия, видимо, обоснованны. Интересно, что он еще скажет нам по этому поводу?

— Он скажет, может быть, — ядовито заметил Вэндем, — что нам делать дальше, черт побери!

Маленький священник, казалось, отнесся к сложившейся ситуации скромно, по-деловому.

— Единственное, что я могу придумать, — сказал он, — это сперва

поставить в известность владельцев отеля, а потом поискать следы моего знакомого с пистолетом. Он исчез за тем углом «Полумесяца», где сад. Там стоят скамейки, облюбованные бродягами.

Переговоры с администрацией отеля, приведшие к окольным переговорам с полицейскими властями, отняли довольно много времени, и, когда они вышли под своды длинной классической колоннады, уже наступила ночь. «Полумесяц» выглядел таким же холодным и ущербным, как и его небесный тезка; сияющий, но призрачный, тот как раз поднимался из-за черных верхушек деревьев, когда они завернули за угол и очутились у небольшого сада. Ночь скрыла все искусственное, городское, что было в саду, и, когда они зашли вглубь, слившись с тенями деревьев, им почудилось, будто они вдруг перенеслись за сотни миль отсюда. Некоторое время они шли молча, но вдруг Олбойн, который был непосредственной других, не выдержал.

— Сдаюсь, — воскликнул он, — пасую. Вот уж не думал, что когда-нибудь наскочу на это! Но что поделаешь, если оно само на тебя наскочит! Прошу простить меня, отец Браун, перехожу на вашу сторону. Отныне я руками и ногами за сказки. Вот вы, мистер Вэндем, объявили себя атеистом и верите только в то, что видите. Так что же вы видите? Вернее, чего же вы не видите?

— Вот именно! — угрюмо кивнул Вэндем.

— Бросьте, это просто луна и деревья действуют вам на нервы, — упорствовал Феннер. — Деревья в лунном свете всегда кажутся диковинными, ветки торчат как-то странно. Поглядите, например, на эту...

— Да, — сказал Браун, останавливаясь и всматриваясь вверх сквозь путаницу ветвей. — В самом деле, очень странная ветка.

Помолчав, он добавил:

— Она как будто сломана.

На этот раз в его голосе послышалась такая нотка, что его спутники безотчетно похолодели. Действительно, с дерева, вырисовывавшегося черным силуэтом на фоне лунного неба, безвольно свисало нечто, казавшееся сухой веткой. Но это не была сухая ветка. Когда они подошли ближе, Феннер, громко выругавшись, отскочил в сторону. Затем снова подбежал и снял петлю с шеи жалкого, поникшего человечка, с головы которого перьями свисали седые космы. Еще до того, как он с трудом спустил тело с дерева, он уже знал, что снимает мертвеца. Ствол был обмотан десятками футов веревки, и лишь короткий отрезок ее шел от ветки к телу. Большая садовая бочка откатилась на ярд от ног трупа, как стул, вышибленный ногами самоубийцы.

— Господи, помилуй! — прошептал Олбойн, и не понять было, молитва это или божба. — Как там сказал этот тип: «Если б он слышал, он бы взял и повесился»? Так он сказал, отец Браун?

— Так, — ответил священник.

— Да, — глухо выговорил Вэндем. — Мне никогда и не снилось, что я увижу или признак что-нибудь подобное. Но что тут еще добавить! Проклятие осуществилось.

Феннер стоял, закрыв ладонями лицо. Священник дотронулся до его руки.

— Вы были очень привязаны к нему?

Секретарь отнял руки; его бледное лицо в лунном свете казалось мертвым.

— Я ненавижу его всей душой, — ответил он, — и если его убило проклятие, уж не мое ли?

Священник крепче сжал его локоть и сказав с жаром, какого до того не выказывал:

— Пожалуйста, успокойтесь, вы тут ни при чем.

Полиции пришлось нелегко, когда дошло до опроса четырех свидетелей, замешанных в этом деле. Все четверо пользовались уважением и заслуживали полного доверия, а один, Сайлас Вэндем, директор нефтяного треста, обладал авторитетом и властью. Первый же полицейский чин, попытавшийся выразить недоверие к услышанному, мгновенно вызвал на себя гром и молнии со стороны грозного магната.

— Не смейте мне говорить, чтобы я держался фактов, обрезал его миллионер. — Я держался фактов, когда вас еще и на свете не было, а теперь факты сами держатся за меня. Я вам излагаю факты, лишь бы у вас хватило ума правильно их записать.

Полицейский был молод летами и в небольших чинах, и ему смутно представлялось, что миллионер — фигура настолько государственная, что с ним нельзя обращаться, как с рядовым гражданином. Поэтому он передал магната и его спутников в руки своего более закаленного начальника, некоего инспектора Коллинза, сидящего человека, усвоившего грубовато-успокаивающий тон; он словно заявлял своим видом, что он добродушен, но вздора не потерпит.

— Так, так, — проговорил он, глядя на троих свидетелей весело поблескивающими глазами, — странная выходит история.

Отец Браун уже вернулся к своим повседневным обязанностям, но Сайлас Вэндем соблаговолил отложить исполнение своих ответственных обязанностей нефтяного заправила еще на час или

около того, чтобы дать показания о своих потрясающих впечатлениях. Обязанности Феннера, как секретаря, фактически прекратились со смертью патрона; что же касается великолепного Арта Олбойна, то, поскольку ни в Нью-Йорке, ни в каком другом месте у него не было иных обязанностей, кроме как сеять религию Дыхания Жизни или Великого Духа, ничто не отвлекало его в настоящий момент от выполнения гражданского долга. Вот почему все трое выстроились в кабинете инспектора, готовые подтвердить показания друг друга.

— Пожалуй, для начала скажу вам сразу, — бодро заявил инспектор, — бесполезно морочить мне голову всякой мистической дребеденью. Я человек практический, я полицейский. Оставим эти штуки для священников и всяких там служителей храмов. Этот ваш патер взвинтил вас всех рассказами про страшную смерть и Страшный суд, но я намерен целиком исключить из этого дела и его, и его религию. Если Уинд вышел из комнаты, значит, кто-то его оттуда выпустил. И если Уинд висел на дереве, значит, кто-то его повесил.

— Совершенно верно, — сказал Феннер. — Но поскольку все мы свидетельствуем, что его никто не выпускал, то весь вопрос в том, как же его ухитрились повесить.

— А как ухитряется нос вырасти на лице? — спросил инспектор. — На лице у него вырос нос, а на шее оказалась петля. Таковы факты, а я, повторяю, человек практический и руководствуюсь фактами. Чудес на свете не бывает. Значит, это кто-то сделал.

Олбойн держался на заднем плане, и его крупная, широкая фигура составляла естественный фон для его более худощавых и подвижных спутников. Он стоял, склонив свою белую голову, с несколько отсутствующим видом, но при последних словах инспектора вскинул ее, по львиному тряхнул седой гривой и окончательно очнулся, хотя и сохранил ошеломленное выражение. Он двинулся в середину группы, и у всех возникло смутное ощущение, будто он стал еще более громоздким, чем раньше. Они слишком поспешно сочли его дураком или фигляром, однако он был не так уж глуп, утверждая, что в нем таится скрытая сила, как у западного ветра, который копит свою мощь, чтобы однажды смести всякую мелочь.

— Стало быть, мистер Коллинз, вы человек практический. Голос его прозвучал одновременно и мягко и с нажимом, — Вы, кажется, два или три раза за свою короткую речь упомянули, что вы человек практический, так что ошибиться трудно. Что ж, весьма примечательный факт для того, кто займется вашей биографией, описав вашу ученость и застольные беседы с

приложением портрета в возрасте пяти лет, дагерротипа бабушки и видов родного города. Надеюсь, ваш биограф не забудет упомянуть, что у вас был нос, как у мопса, и на нем прыщ, и что вы были так толсты, что из-за живота ног не видели. Ну, раз вы такой ходячий практик, может, вы допрактикуетесь до того, что оживите Уоррена Уинда и выясните доподлинно у него самого, как человек практический проникает сквозь дощатую дверь? Но мне сдается, вы ошибаетесь. Вы не ходячий практик, а ходячее недоразумение, вот вы кто. Господь всемогущий решил нас посмешить, когда придумал вас.

С присущей ему театральностью он плавным шагом двинулся к двери, прежде чем ошарашенный инспектор обрел дар речи, и никакие запоздалые возражения уже не могли отнять у Олбойна его торжества.

— По-моему, вы совершенно правы, — поддержал его Феннер. — Если таковы практические люди, мне подавайте священников.

Еще одна попытка установить официальную версию события была сделана, когда власти полностью осознали, кто свидетели этой истории и каковы вытекающие из нее последствия. Она уже просочилась в прессу в самой что ни на есть сенсационной и даже бесстыдно идеалистической форме. Многочисленные интервью с Вэндемом по поводу его чудесного приключения, статьи об отце Брауне и его мистических предчувствиях вскоре побудили тех, кто призван направлять общественное мнение, направить его в здоровое русло. В следующий раз нашли более окольный и тактичный подход к неудобным свидетелям: при них как бы невзначай упомянули, что подобными аномальными происшествиями интересуется профессор Вэр и этот поразительный случай привлек его внимание. Профессор Вэр, весьма выдающийся психолог, особое пристрастие питал к криминологии, и только спустя некоторое время они обнаружили, что он самым тесным образом связан с полицией.

Профессор оказался обходительным джентльменом, одетым в спокойные светло-серые тона, в артистическом галстуке и со светлой заостренной бородкой — любой, не знакомый с таким типом ученого, принял бы его скорее за пейзажиста. Манеры его создавали впечатление не только обходительности, но и искренности.

— Да, да, понимаю, — улыбнулся он. — Могу догадаться, что вам пришлось испытать. Полиция не блещет умом при расследованиях психологического свойства, не правда ли? Разумеется, старина Коллинз заявил, что ему нужны только факты. Какое нелепое заблуждение! В делах подобного рода требуются не только факты, гораздо существеннее игра воображения.

— По-вашему, — угрожающе проговорил Вэндем, — все, что мы считаем фактами, лишь игра воображения?

— Ничуть не бывало, — возразил профессор. — Я просто хочу сказать, что полиция глупо поступает, исключая в таких делах психологический момент. Конечно же, психологический элемент — главнейшее из главных, хотя у нас это только начинают понимать. Возьмите, к примеру, элемент, называемый индивидуальностью. Я, надо сказать, и раньше слышал об этом священнике, Брауне, — он один из самых замечательных людей нашего времени. Людей, подобных ему, окружает особая атмосфера, и никто не может сказать, насколько нервы и разум других людей подпадают под ее временное влияние. Гипнотизм незаметно присутствует в каждодневном человеческом общении, люди оказываются загипнотизированными, когда гипноз достигает определенной степени. Не обязательно гипнотизировать с помоста, в публичном собрании, во фраке. Религия Брауна знает толк в психологическом воздействии атмосферы и умеет воздействовать на весь организм в целом, даже на орган обоняния, например. Она понимает значение всяких любопытных влияний, производимых музыкой на животных и людей, она может.

— Да бросьте вы! — огрызнулся Феннер. — Что же, по-вашему, он прошел по коридору с церковным органом под мышкой?

— О нет, ему нет нужды прибегать к таким штукам, засмеялся профессор. — Он умеет сконцентрировать сущность всех этих спиритуалистических звуков и даже запахов в немногих скупых жестях искусно, как в школе хороших манер. Без конца ставятся научные эксперименты, показывающие, что люди, чьи нервы перенапряжены, сплошь и рядом считают, будто дверь закрыта, когда она открыта, или наоборот. Люди расходятся во мнении насчет количества дверей и окон перед их глазами. Они испытывают зрительные галлюцинации среди бела дня. С ними это случается даже без гипнотического влияния чужой индивидуальности, а тут мы имеем дело с очень сильной, обладающей даром убеждения индивидуальностью, задавшей целью закрепить всего один образ в вашем мозгу: образ буйного ирландского бунтовщика, посылающего в небо проклятье и холостой выстрел, эхо которого обрушилось громом небесным.

— Профессор! — воскликнул Феннер. — Я бы на смертном одре мог поклясться, что дверь не открывалась.

— Последние эксперименты, — невозмутимо продолжал профессор, — наводят на мысль о том, что наше сознание не является

непрерывным, а представляет собой последовательную цепочку быстро сменяющих друг друга впечатлений, как в кинематографе. Возможно, кто-то или что-то проскальзывает, так сказать, между кадрами. Кто-то или что-то действует только на тот миг, когда наступает затемнение. Вероятно, условный язык заклинаний и все виды ловкости рук построены как раз на этих, так сказать, вспышках слепоты между вспышками видения. Итак, этот священник и проповедник трансцендентных идей начинил вас трансцендентными образами, в частности, образом кельта, подобно титану обрушившего башню своим проклятием. Возможно, он сопровождал это каким-нибудь незаметным, но властным жестом, направив ваши глаза в сторону неизвестного убийцы, находящегося внизу. А может быть, в этот момент произошло еще что-то или кто-то еще прошел мимо.

— Уилсон, слуга, прошел по коридору, — пробурчал Олбойн, — и уселся ждать на скамье, но он вовсе не так уж нас и отвлек.

— Как раз об этом судить трудно, — возразил Вэр, — может быть, дело в этом эпизоде, а вероятнее всего, вы следили за каким-нибудь жестом священника, рассказывающего свои небылицы. Как раз в одну из таких черных вспышек мистер Уоррен Уинд и выскользнул из комнаты и пошел навстречу своей смерти. Таково наиболее правдоподобное объяснение. Вот вам иллюстрация последнего открытия, сознание не есть непрерывная линия, а скорее — пунктирная.

— Да уж, пунктирная — проворчал Феннер. — Я бы сказал, одни черные промежутки.

— Ведь вы не верите, в самом деле, — спросил Вэр, — будто ваш патрон был заперт в комнате, как в камере?

— Лучше уж верить в это, чем считать, что меня надо запереть в комнату, которая выстегана изнутри, — возразил Феннер. — Вот что мне не нравится в ваших предположениях, профессор. Я скорее поверю священнику, который верит в чудо, чем разуверюсь в праве любого человека на доверие к факту. Священник мне говорит, что человек может воззвать к богу, о котором мне ничего не известно, и тот отомстит за него по законам высшей справедливости, о которой мне тоже ничего не известно. Мне нечего возразить, кроме того, что я об этом ничего не знаю. Но, по крайней мере, если просьбу и выстрел ирландского бедняги услышали в горнем мире, этот горний мир вправе откликнуться столь странным, на наш взгляд, способом. Вы, однако, убеждаете меня не верить фактам нашего мира в том виде, в каком их воспринимают мои собственные пять органов чувств. По-вашему выходит, что целая процессия ирландцев с мушкетами могла промаршировать мимо, пока мы разговаривали, стоило им лишь

ступать на слепые пятна нашего рассудка. Послушать вас, так простенькие чудеса святых, — скажем, материализация крокодилов или плащ, висящий на солнечном луче, покажутся вполне здоровыми и естественными.

— Ах так! — довольно резко произнес профессор Вэр. Ну, раз вы твердо решили верить в вашего священника и в его сверхъестественного ирландца, я умолкаю. Вы, как видно, не имели возможности познакомиться с психологией.

— Именно, — сухо ответил Феннер, — зато я имел возможность познакомиться с психологами.

И, вежливо поклонившись, он вывел свою делегацию из комнаты. Он молчал, пока они не очутились на улице, но тут разразился бурной речью.

— Психопаты несчастные! — вне себя закричал он. Соображают они или нет, куда покатится мир, если никто не будет верить собственным глазам? Хотел бы я прострелить его дурацкую башку, а потом объяснить, что сделал это в тот слепой момент. Может, чудо у отца Брауна и сверхъестественное, но он обещал, что оно произойдет, и оно произошло. А все эти чертовы маньяки... увидят что-нибудь, а потом говорят, будто этого не было. Послушайте, мне кажется, мы просто обязаны довести до всеобщего сведения тот небольшой урок, который он нам преподавал. Мы с вами нормальные, трезво мыслящие люди, мы никогда ни во что не верили. Мы не были тогда пьяны, не были объаты религиозным экстазом. Просто все случилось так, как он предсказал.

— Совершенно с вами согласен, — отозвался миллионер. Возможно, это начало великой эпохи в сфере религии. Как бы то ни было, отец Браун, принадлежащий именно к этой сфере, несомненно, оставит в ней большой след.

Несколько дней спустя отец Браун получил очень вежливую записку, подписанную Сайласом Т. Вэндемом, где его приглашали в назначенный час явиться на место исчезновения, чтобы засвидетельствовать это непостижимое происшествие. Само происшествие, стоило ему только проникнуть в газеты, было повсюду подхвачено энтузиастами оккультизма. По дороге к «Полумесяцу» отец Браун видел броские объявления, гласившие: «Самоубийца нашелся» или «Проклятие убивает филантропа». Поднявшись на лифте, он нашел всех в сборе: Вэндема, Олбойна и секретаря. И сразу заметил, что тон их по отношению к нему стал совсем иным, почтительным и даже благоговейным. Когда он вошел, они стояли у стола Уинда, где лежал большой лист бумаги и письменные принадлежности. Они обернулись, приветствуя его.

— Отец Браун, — сказал выделенный для этой цели оратор,

седовласый пришелец с Запада, несколько повзрослевший от сознания ответственности своей роли, — мы пригласили вас сюда прежде всего, чтобы принести вам наши извинения и нашу благодарность. Мы признаем, что именно вы первый угадали знак небес. Мы все показали себя твердокаменными скептиками, все без исключения, но теперь мы поняли, что человек должен пробить эту каменную скорлупу, чтобы постичь великие тайны, скрытые от нашего мира. Вы стоите за эти тайны, вы стоите за сверхобыденные объяснения явлений, и мы признаем ваше превосходство над нами. Кроме того, мы считаем, что этот документ будет неполным без вашей подписи. Мы передаем точные факты в Общество спиритических исследований, потому что сведения в газетах никак не назовешь точными. Мы описали, как на улице было произнесено проклятие, как человек, находившийся в закупоренной со всех сторон комнате, в результате проклятия растворился в воздухе, а потом непостижимым образом материализовался в труп вздернувшего себя самоубийцы. Вот все, что мы можем сказать об этой истории, но это мы знаем, это мы видели своими глазами. А так как вы первый поверили в чудо, то мы считаем, что вы первый и должны подписать этот документ.

— Право, я совсем не уверен, что мне хочется это делать, — в замешательстве запротестовал отец Браун.

— Вы хотите сказать — подписаться первым?

— Нет, я хочу сказать, вообще подписываться, — скромно ответил отец Браун. — Видите ли, человеку моей профессии не очень-то пристало заниматься мистификациями.

— Как, но ведь именно вы назвали чудом все, что произошло! — воскликнул Олбойн, вытаращив глаза.

— Прошу прощения, — твердо сказал отец Браун, — тут, боюсь, какое-то недоразумение. Не думаю, чтобы я назвал это чудом. Я только сказал, что это может случиться. Вы же утверждали, что не может кроме как чудом. Но это случилось. И тогда вы заговорили о чуде. Я от начала до конца ни слова не сказал ни про чудеса, ни про магию, ни про что иное в этом роде.

— А я думал, что вы верите в чудеса, — не выдержал секретарь.

— Да, — ответил отец Браун, — я верю в чудеса. Я верю и в тигров-людоедов, но они мне не мерещатся на каждом шагу. Если мне нужны чудеса, я знаю, где их искать.

— Не понимаю я этой вашей точки зрения! — горячо вступился Вэндем. — В ней есть узость, а в вас, мне кажется, ее нет, хоть вы и священник. Да разве вы не видите, ведь этакое чудо перевернет весь

материализм вверх тормашками! Оно громогласно объявит всему миру, что потусторонние силы могут действовать и действуют. Вы послужите религии, как ни один священник до вас.

Отец Браун чуть-чуть выпрямился, и вся его коротенькая, нелепая фигурка исполнилась бессознательного достоинства, к которому не примешивалось ни капли самодовольства.

— Я не совсем точно понимаю, что вы разумеете этой фразой, и, говоря откровенно, не уверен, что вы сами хорошо понимаете. Вы же не захотите, чтобы я послужил религии с помощью заведомой лжи? Вполне вероятно, ложью можно послужить религии, но я твердо уверен, что богу ложью не послужишь. И раз уж вы так настойчиво толкуете о том, во что я верю, неплохо было бы иметь хоть какое-нибудь представление об этом, правда?

— Я что-то не совсем понимаю вас, — обиженно заметил миллионер.

— Я так и думал, — просто ответил отец Браун. — Вы говорите, что преступление совершили потусторонние силы. Какие потусторонние силы? Не думаете ли вы, будто ангелы господни взяли и повесили его на дереве? Что же касается демонов, то нет, нет. Люди, сделавшие это, поступили безнравственно, но дальше собственной безнравственности они не пошли. Они недостаточно безнравственны, чтобы прибегать к помощи адских сил. Я кое-что знаю о сатанизме, вынужден знать. Я знаю, что это такое. Поклонник дьявола горд и хитер, он любит властвовать и пугать невинных непонятым, он хочет, чтобы у детей мороз подирал по коже. Вот почему сатанизм — это тайны, и посвящения, и тайные общества, и все такое прочее. Сатанист видит лишь себя самого, и каким бы великолепным и важным он ни казался, внутри его всегда прячется гадкая, безумная усмешка. — Священник внезапно передернулся, как будто прохваченный ледяным ветром. Полно, они не имели к сатанизму ни малейшего отношения. Неужели вы думаете, что моему жалкому, сумасшедшему ирландцу, который бежал сломя голову по улице, а потом, увидев меня, со страху выболтал половину секрета и, боясь выболтать остальное, удрал прочь, — неужели вы думаете, что Сатана поверяет ему свои тайны? Я допускаю, что он участвовал в сговоре с еще двумя людьми, вероятно, худшими, чем он. Но когда, пробегая переулком, он выстрелил из пистолета и прокричал проклятие, он просто не помнил себя от злости.

— Но что же значит вся эта чертовщина? — с досадой спросил Вэндем. — Игрушечный пистолет и бессмысленное проклятие не могут сделать того, что они сделали, если только тут нет чуда. Уинд от этого не исчез бы, как эльф. И не возник бы за четверть мили отсюда с веревкой на

шее.

— Именно, — резко сказал отец Браун, — но что они могут сделать?

— Опять я не понимаю вас, — мрачно проговорил миллионер.

— Я говорю что они могут сделать! — повторил священник, впервые выходя из себя. — Вы твердите, что холостой выстрел не сделает того и не сделает другого, что, будь это все так, убийства не случилось бы или чуда не произошло бы. Вам, видно, не приходит в голову спросить себя: — а что случилось бы? Как бы вы поступили, если бы у вас под окном маньяк выпалил ни с того ни с сего из пистолета?

Вэндем задумался.

— Должно быть, прежде всего я бы выглянул из окна, ответил он.

— Да, — сказал отец Браун, — вы бы выглянули из окна. Вот вам и вся история. Печальная история, но теперь она закончилась. И к тому имеются смягчающие обстоятельства.

— Ну и что плохого в том, что он выглянул? — допытывался Олбойн. — Он ведь не выпал, а то бы труп оказался на мостовой.

— Нет, — тихо сказал Браун, — он не упал. Он вознесся.

В голосе его послышался удар гонга, отзвук гласа судьбы, но он продолжал как ни в чем не бывало.

— Он вознесся, но не на крыльях, это не были крылья ни ангелов, ни демонов. Он поднялся на конце веревки, той самой, на которой вы видели его в саду, петля захлестнула его шею в тот миг, когда он высунулся из окна. Вы помните Уилсона, слугу, человека исполинской силы, а ведь Уинд почти ничего не весил. Разве не послали Уилсона за брошюрой этажом выше, в комнату, полную тюков и веревок? Видели вы Уилсона с того дня? Смею думать, что нет.

— Вы хотите сказать, — проговорил секретарь, — что Уилсон выдернул его из окна, как форель на удочке?

— Да, — ответил священник, — и спустил его через другое окно вниз, в парк, где третий сообщник вздернул его на дерево. Вспомните, что переулочек всегда пуст, вспомните, что стена напротив глухая, вспомните, что все было кончено через пять минут после того, как ирландец подал сигнал выстрелом. В этом деле, как вы поняли, участвовали трое. Интересно, можете ли вы догадаться, кто они?

Троица во все глаза глядела на квадрат окна и на глухую белую стену за ним, и никто не отозвался.

— Кстати, — продолжал отец Браун, — не думайте, что я осуждаю вас за ваши сверхъестественные выводы. Причина, собственно, очень проста. Вы все клялись, что вы твердокаменные материалисты, а, в сущности

говоря, вы все балансируете на грани веры — вы готовы поверить почти во что угодно. В наше время тысячи людей балансируют так, но находиться постоянно на этой острой грани очень неудобно. Вы не обретете покоя, пока во что-нибудь не уверуете. Потому-то мистер Вэндем прошелся по новым религиям частым гребнем, мистер Олбойн прибегает к Священному писанию, строя свою новую религию, а мистер Феннер ворчит на того самого бога, которого отрицает. Вот в этом-то и есть ваша двойственность. Верить в сверхъестественное естественно и, наоборот, неестественно признавать лишь естественные явления. Но хотя понадобился лишь легкий толчок, чтобы склонить вас к признанию сверхъестественного, на самом-то деле эти явления были самыми естественными. И не просто естественными, а прямо-таки неестественно естественными. Мне думается, проще истории не придумашь.

Феннер засмеялся, потом нахмурился.

— Одного не понимаю, — сказал он. — Если это был Уилсон, то как получилось, что Уинд держал при себе такого человека? Как получилось, что его убил тот, кто был у него на глазах ежедневно, несколько лет подряд? Ведь он славился умением судить о людях.

Отец Браун стукнул о пол зонтиком со страстью, какую редко выказывал.

— Вот именно, — сказал он почти свирепо, — за это его и убили. Его убили именно за это! Его убили за то, что он судил о людях, вернее, судил людей.

Трое в недоумении уставились на него, а он продолжал, как будто их здесь не было.

— Что такое человек, чтобы ему судить других? — спросил он. — В один прекрасный день перед Уиндом предстали трое бродяг, и он быстро, не задумываясь, распорядился их судьбами, распихав их направо и налево, как будто ради них не стоило утруждать себя вежливостью, не стоило добиваться их доверия, незачем было предоставлять им самим выбирать себе друзей. И вот за двадцать лет не иссякло их негодование, родившееся в ту минуту, когда он оскорбил их, дерзнув разгадать с одного взгляда.

— Ага, — пробормотал секретарь, — понимаю... И еще я понимаю, откуда вы понимаете... всякие разные вещи.

— Будь я проклят, если я что-нибудь понимаю, — пылко воскликнул неугомонный джентльмен с Запада. — Ваш Уилсон просто-напросто жестокий убийца, повесивший своего благодетеля. В моей морали, религия это или не религия, нет места кровожадному злодею.

— Да, он кровожадный злодей, — спокойно заметил Феннер. — Я его

не защищаю, но, наверное, дело отца Брауна молиться за всех, даже за такого, как...

— Да, — подтвердил Браун, — мое дело молиться за всех, даже за такого, как Уоррен Уинд.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

1

Сапфира — жена одного из членов первохристианской общины. Они с мужем утаили от общины часть своего имущества и были поражены смертью (Деяния Апостолов V, 1)